

Глава первая

Вспыхнул белый огонь, но звука не было. Снайпер навинтил глушитель и палил без передышки, наверное, устал, озверел или просто сошел с ума. Он палил в одну точку. Белые сполохи вытягивались в длинные дрожащие тире иплыли медленно, слишком медленно для стрельбы, так бывает только во сне. Следовало проснуться сию минуту, снайпер хоть и сошел с ума, но находился где-то близко.

Сергей попытался продрасть сквозь толщу сна, принялся считать огненные тире и, досчитав до семи, понял, что глаза его давно открыты, нет никаких выстрелов, никакого снайпера, есть просто ряд ледяных ровных огней, безопасных и бессмысленных.

Он не чувствовал ни рук, ни ног, у него как будто вообще больше не было тела. Наверное, оно осталось лежать у подножия лысой горы, на окраине села, и его до скелета обглодали одичавшие собаки, которые с начала войны срывались с цепей у брошенных и сожженных домов, сбивались в стаи, нападали на живых и мертвых.

Майор Логинов умер, других вариантов нет и быть не может. Он погиб, и его бессмертная душа движется теперь по узкому длинному туннелю, летит, как пуля внутри ружейного ствола, но только в тысячу раз медленней. Благодать, когда нет никакого тела, ничего не болит, не жжет, не ноет, не чешется. Вот оно, оказывается, как хорошо, тихо и совсем не страшно.

Тишина между тем трескалась на куски, и Сергей стал различать мерный резиновый шорох. Звук этот был связан с движением по туннелю, потом к нему прибавилось далекое невнятное бормотание. Звуки проступали, словно рисунок на переводной картинке. Над головой проплыло еще два длинных ярких тире, и Сергей услышал сладкие ангельские голоса, мужской и женский.

— Держи его пока на глюкозе, следи за давлением и за сердцем, — произнес бодрый баритон с легким кавказским акцентом, — через пару часов отойдет наркоз, дай обезболивающее. Все, Катюша, я пошел обедать. Вечером зайду к нему.

— Я поняла, Гамлет Рубенович, — отозвалось звонкое деловитое сопрано.

— «Поняла-поняла», — проворчал баритон, удаляясь. — Смотри, чтобы ему швы как следует обрабатывали и чтобы пролежней не было. Я не каждый день совершаю такие чудеса. Интракортикальная трансплантация — это тебе не вывих вправить.

— Не волнуйтесь, Гамлет Рубенович, все будет нормально!

Длинные лампы продолжали медленно плыть над головой. Потом появилось юное круглое лицо с голубыми глазами, желтой челкой и мелкими веснушками.

— Привет, — сказала девушка и улыбнулась, — как чувствуем себя?

— Ноги... — выдохнул он.

— Не выдумывай, тебе еще не больно. — Девушка покачала головой и сделала строгое лицо.

— Нет, — согласился он, — не больно.

— Тогда в чем дело?

— Они есть?

— А как же! — Опять улыбка, во весь рот, мелкие ярко-белые зубки. — Интракортикальная трансплантация, по методике доктора Аванесова.

Звучало неясно, но красиво и убедительно.

До него вдруг дошло, что он и правда жив. Он глубоко, жадно втянул ноздрями воздух. Пахло марганцовкой и туалетным мылом. Все было странно и ново, даже собственное дыхание. Тело обретало вес, набухало тяжестью, и где-то в самой глубине, в костном мозге, пробуждалась боль, весело потрескивала, пускала острые искры, играла, дразнила, прикидывалась несерьезной, слабенькой и вполне терпимой.

Он знал наизусть все ее фокусы. Боль жила в ногах, доползала до середины туловища и слабела. Дальше начиналась для нее чужая территория. Дальше все в нем было цело.

Каталка остановилась. Белый коридор кончился ярко освещенным тупиком. Глаза устали от света, веки отяжелели, потолок качнулся и поплыл вверх. Сергей услышал новые голоса, уже издали, хотя понимал, что говорят совсем близко, и чувствовал, как его перекалдывают с каталки на койку. Он попытался шевельнуться, поднять руку, но тело все еще не слушалось.

— Да не дергайся ты, мне надо капельницу поставить, — произнес знакомый женский голос у самого уха, — ты в госпитале, в реанимации.

— Что со мной было?

— Что было, то прошло. Теперь все нормально.

— Расскажи, — попросил он, едва ворочая языком, — как я сюда попал? Что за госпиталь?

— Ну ладно. — Она присела на стул рядом с койкой. — Разговаривать тебе пока нельзя, но слушать можно. Я буду говорить, а ты постарайся заснуть. Хорошо?

Он прикрыл глаза, соглашаясь.

— Ты был в коме, перенес тяжелую операцию. Самое страшное позади. Ты должен радоваться, как младенец. Тебя собрали по частям, тебя, можно сказать, со стенок соскребли. О том, что удастся сохранить тебе ноги, речи вообще сначала не шло. Некоторые сомневались, сумеешь ли ты выйти из комы. Кстати, ты очень странно в нее ушел. Тебя уже готовили

к ампутации, а ты шлеп — и отключился, гуд бай, ребята. Конечно, в таком состоянии нельзя было оперировать. Устроили консилиум. И тут явился его величество доктор Аванесов. Он явился из отпуска, веселый, загорелый, осмотрел тебя и говорит: зачем резать? Новые ведь не вырастут. Знаешь, каким образом ты выразил свое согласие с Гамлетом Рубеновичем? Ты вышел из комы.

Она говорила все тише, все мягче. Речь ее опять стала похожа на ангельскую песню. Он знал, что жив и ноги ему не отрезали. Остальное пока не важно. Впервые за многие месяцы майор Логинов заснул спокойно.

* * *

Дождливой мартовской ночью на балкон четвертого этажа высокого кирпичного дома на окраине Москвы вышел совершенно голый молодой человек, закурил и оглядел пустой двор, щедро освещенный фонарями. Среди множества автомобилей, спавших во дворе, сверкал, как драгоценность, его серебристый новенький «Фольксваген»-«капля». Автомобиль был куплен всего неделю назад, и детская радость обладания новой игрушкой еще не остыла.

Станиславу Владимировичу Герасимову исполнилось тридцать шесть, но выглядел он лет на десять моложе, а чувствовал себя совершенным мальчишкой. Привычка выбегать ночью на балкон осталась у него с детства. Ему нравилось, проснувшись среди ночи, выскользнуть из-под одеяла, чуть-чуть померзнуть, полюбоваться таинственным ночным пейзажем, вообразить себя на несколько секунд уличным бродягой, круглым сиротой, тут же вспомнить, что все это неправда, и быстренько нырнуть назад, в теплую постель. Потом засыпалось особенно сладко.

Этой ночью, в половине третьего, его разбудил нехороший сон. Ему приснилось, что у него выпадают зубы, один за

другим, прямо с корнями, без крови и боли. Он совершенно отчетливо видел, как сплевывает их на ладонь и остаются голые вспухшие десны с нежными лунками. Он проснулся весь потный, минут пять лежал, глядя в потолок, ощупывая языком свои ровные крепкие зубы, и постепенно приходил в себя. Чтобы окончательно успокоиться, он отправился на балкон, прямо так, голышом, поскольку плохо ориентировался в чужой квартире и не мог сразу найти ни халата, ни даже собственных трусов.

Суеверным Стас Герасимов не был и не мучился вопросом, что может значить столь отвратительное сновидение. Ледяной мокрый воздух приятно освежил его, на подоконнике он нашел сигареты, закурил и, перегнувшись через перила, залюбовался своим новеньким автомобилем.

— Классная у меня тачка, — пробормотал он, поеживаясь и ясно, по-детски улыбаясь, — какой идиот сказал, что это женская машина? У моей божьей коровки мощь хорошего «Мерседеса», и все дороги для нее как будто бархатом выстланы. Лапушка, солнышко! — Он послал машине воздушный поцелуй, зевнул, загасил сигарету, хотел уже вернуться в комнату, поскольку замерз, но тут услышал легкие торопливые шаги и приглушенные голоса. Он не мог разобрать слов сквозь шорох дождя. Через минуту в круг фонарного света вошли двое мужчин. Стас разглядел темные трикотажные шапочки, надвинутые низко, до глаз, спортивные шаровары с лампасами, спортивные капроновые куртки. На плече у одного из них болталась небольшая сумка. Они остановились не где-нибудь, а непосредственно у «Фольксвагена»-«капли», присели на корточки, заглянули под днище машины.

Угнать этот автомобиль было практически невозможно. Руль запирался противоугонным замком-топориком новейшей системы, сигнализация стояла отличная. К тому же машина была слишком заметной. Таких «капель», да еще серебряных, в Москве пока совсем мало.

«Ну-ну, придурки, валяйте, попробуйте! — злорадно подумал Стас. — Сейчас сработает сигнализация, и вас отсюда сдует...»

Конечно, следовало сразу позвонить в милицию, но азартное детское любопытство приковало его к перилам. Ему было интересно, как они станут взламывать его неприступную машину. Он наблюдал за ними затаив дыхание, и через несколько секунд ему стало жарко. Он понял, что эти двое вовсе и не собирались угонять машину. Один улегся на мокрый асфальт и заполз под днище. Другой сидел рядом на корточках.

Жар сменился ознобом. Стаса затрясло. Он перевесился через перила и открыл рот, чтобы крикнуть: «Эй! Алло, мужики, что за дела?!» Но тут сидевший на корточках поднялся, задрал голову, и Стас отпрянул в глубь балкона, не издав ни звука. Когда он опять взглянул вниз, во дворе уже никого не было. Серебряная «капля» стояла себе тихо, словно ничего не произошло. Накрапывал дождик, мирно, уютно мерцал фонарный свет.

«А может, мне приснились эти двое? — подумал Стас. — Может, я сомнамбула? Или лунатик? Впрочем, никакой луны сейчас нет».

Он вернулся в комнату и позвонил в милицию.

Наряд явился через десять минут, а еще через двадцать подъехала бригада специалистов из ФСБ, которые тут же обнаружили довольно мощное взрывное устройство, прикрепленное к днищу машины.

— Ну что ж, Станислав Владимирович, я вас поздравляю, — сказал молодой улыбчивый следователь ФСБ, — там мощность порядка трехсот грамм тротила.

— Спасибо на добром слове, — усмехнулся Стас.

— Как же вы так плохо разглядели преступников? Вроде бы четвертый этаж, и двор освещен достаточно ярко.

— Я был голый. — Стас нервно рассмеялся.

— Голый? На балконе? Так ведь холодно. Вы морж? — Следователь тоже рассмеялся, но в отличие от Стаса радостно

и заразительно. — Слушайте, но я не понял, при чем здесь зрение? Вы что, голый хуже видите?

— Нет, я не морж. — Лицо Стаса стало серьезным. — Я когда мерзну, у меня глаза слезятся. И вообще у меня отвратительная память на лица.

— Жаль, — следователь покачал головой и поцокал языком, — мы бы сейчас по горячим следам составили бы фотороботы. Что, совсем не разглядели их лиц?

— Совсем, — эхом отозвался Стас, — какие-то смутные пятна. Шапки трикотажные.

— Ну, может, что-то броское? Борода, усы?

— Нет. У того, который не влезал под машину, точно не было бороды и усов. А о втором я вообще ничего сказать не могу. Видел только штаны с лампасами и светлые кроссовки. А может, и не кроссовки.

— Штаны это уже хорошо, — кивнул следователь. — Они хотя бы славяне или кавказцы?

— Кавказцы. — Стас неуверенно пожал плечами. — Судя по штанам. Хотя кто их знает? Наши братки-шестерки тоже обожают шаровары с лампасами. Особенно провинциальные братки. Гастролеры.

— Да. Гастролеры. Одноразовые исполнители, — следователь растянул губы в благостной улыбке, — таких если находят, то мертвыми. Однако в вашем случае шансы увеличиваются, поскольку покушение оказалось неудачным. Чтобы получить свои деньги, ребята постараются довести дело до конца. Правда, я не исключаю, что их могут заменить другими, более толковыми. В общем, это только начало. Какие-нибудь предположения есть у вас?

Стас Герасимов вскинул на весельчака мутные злые глаза и молча помотал головой.

— А если подумать? — Следователь отхлебнул крепкий кофе, предложенный любезной хозяйкой квартиры, встал и заходил по просторной уютной кухне. — Давайте начнем с

главного. Кому было известно, что вы собираетесь ночевать по этому адресу? — Он перевел взгляд с Герасимова на хозяйку, маленькую белокурую женщину лет тридцати с кукольным личиком и грудью невероятных размеров. Она стояла у окна и курила, часто моргая, то ли от дыма, то ли от нервов.

Следователю уже было известно, что Качерян Галина Николаевна семидесятого года рождения замужем, прописана здесь вместе с мужем и ребенком восьми лет. Муж в командировке, ребенок у бабушки.

— Никто знать не мог! — Голос у нее был необыкновенно высокий, резкий. Говорила она с пулеметной скоростью и, единожды начав, не умела остановиться. — Я хочу сказать, совершенно никто, ни единая душа, потому что мы сами понятия не имели, что он останется, но так получилось, просто он заехал ко мне вечером навестить, дело в том, что я болею, у меня простуда, горло болит, я поэтому сына отправила к маме, мало ли, вдруг инфекция? Температуры пока нет, но обязательно поднимется, я хочу сказать, меня продуло на работе, там у нас постоянно окна открыты, все курят, приходится проветривать, я сама тоже курю, но невозможно без конца открывать окна, особенно при такой сырости, ведь получается сквозняк, вот меня просквозило, заболело горло, а Стасик привез мне лекарства, просто, по-дружески, понимаете? Фурацилин, шалфей, чтобы я полоскала горло, вот, смотрите! — Она поспешно шагнула к буфету, встала на цыпочки, достала с полки зеленый фирменный пакет «Сеть аптек 36,6». Судя по тому, что он был не распакован, горло простуженная хозяйка так и не прополоскала.

— Погодите, — поморщился следователь, отстраняя пакет, — давно вы знакомы?

— Давно, очень давно, с самого детства. Моя бабушка была его няней, у него родители очень хорошие люди, Владимир Марленович в органах служил, сейчас на пенсии, генерал. Наталья Марковна добрейшая женщина. Вы не представляете,

какая это семья. У нас со Стасиком с самого детства теплые родственные отношения. Пожалуйста, не надо сообщать моему мужу! То есть я хочу сказать, если он узнает, что Стасик просто заехал ко мне, в этом совершенно ничего страшного нет, потому что со Стасиком они в принципе знакомы. Стасик взял моего Рубена на работу к себе на фирму, Рубен художник, а фирма Стаса занимается рекламным дизайном... Пожалуйста, очень вас прошу, у меня ребенок, вы не могли бы как-нибудь замять?

— Что? — опомнился следователь, загипнотизированный звонким потоком ее речи. — Замять покушение на убийство?

— Нет! — испугалась Галочка. — Нет, конечно, не покушение, но хотя бы время. Вы можете сказать моему мужу, будто все произошло не в три часа ночи, а, например, в десять вечера?

— Галочка, будь добра, успокойся, — простонал Герасимов.

Но успокоиться она уже не могла, до нее дошло наконец, что случилось и чем это угрожает ей лично. Следователь пожалел ее от души, но помочь не мог при всем желании. Как только появится ее армянский Отелло, придется его очень подробно допросить.

— Рубенчик убьет меня, если узнает! Я как чувствовала, говорила тебе: уезжай, а ты... Товарищ... господин следователь, я хочу сказать, вы даже не представляете, какой у меня ревнивый муж! Вот если кто-нибудь на меня посмотрит, ну просто как на интересную женщину, мой Рубен аж вспыхивает весь, я хочу сказать...

— Зачем было так рисковать, если муж ревнивый? — светло улыбнулся следователь и обратился к Герасимову: — Кстати, а в котором часу вы на самом деле приехали?

— Около двенадцати, — буркнул тот и вытянул сигарету из пачки.

— Предварительно созванивались? — Следователь вежливо щелкнул зажигалкой, давая ему прикурить.

— Да, я звонил ей, но этого никто не мог слышать. Я звонил по мобильному из машины около семи.

— Значит, кто-то за вами следил, — удовлетворенно кивнул следователь, — вас кто-то заказал. Нет у вас никаких предположений на этот счет? Кому вы мешали жить? — Он опять одарил Стаса своей лучезарной улыбкой.

Красивое правильное лицо Стаса Герасимова застыло. Из открытого рта валил дым, светло-серые прозрачные глаза уперлись следователю в лоб так, словно там было написано имя заказчика. На самом деле Стас не видел перед собой в этот момент совершенно ничего.

— Да что вы такое говорите! — Галочка испуганно всплеснула руками. — Зачем пугаете человека? У Стасика просто не может быть врагов, он такой добрый, обаятельный, его все любят, я хочу сказать, может, произошла ошибка, они его с кем-нибудь перепутали?

Ни следователь, ни Стас никак не отреагировали на это ее предположение. Она замолчала, переводя испуганные голубые глаза с одного на другого, и поспешно подвинула пепельницу Стасу, заметив, что столбик пепла грозит сорваться на кружевную клеенку. Наконец опомнившись, Стас резко поднялся и произнес механическим голосом:

— Извините, мне пора домой. Если возникнут вопросы, у вас есть все мои телефоны, домашний, мобильный и служебный. Всего доброго. — Он направился в прихожую, на ходу заправляя мятую рубашку в брюки.

— Погодите, Станислав Владимирович, мы только начали разговор, — громко и удивленно произнес следователь, — пожалуйста, постарайтесь вспомнить, были какие-нибудь угрозы? Может, у вас произошел конфликт с кем-то? Поймите, это важно!

— Я плохо себя чувствую, — ответил Стас и, не оборачиваясь, поднял руки, как будто сдавался, — голова болит, понимаете ли, мне надо побыть одному.

— Инфекция! — воскликнула Галочка. — Надо температуру померить, у меня тоже все началось с головной боли, а потом уж горло... Стасик, миленький, подожди!

Но он уже сунул ноги в ботинки, руки в рукава кожаной куртки и через секунду несильно хлопнул входной дверью. Щелкнул английский замок. Следователь уткнулся в протокол и поспешно, нервно писал. В кухне минуты три стояла глубокая тишина, было слышно, как шлепаются капли в раковину. Галочка подошла и принялась закручивать кран, краснея от усилий. Но вода продолжала капать.

— Надо вызвать сантехника, иначе будет потоп рано или поздно. Сток забьется и будет потоп. — Она упала на табуретку напротив следователя, достала сигарету, и когда он, оторвавшись от протокола, щелкнул для нее зажигалкой, она поймала его взгляд и прошептала странно тихо: — Сделайте что-нибудь, приставьте к нему охрану, найдите заказчика. Если его убьют, я умру.

Глава вторая

Будильник щебетал, словно живая птичка, которой прищипали хвост. Юлия Николаевна Тихорецкая, не открывая глаз, принялась шарить по тумбочке, чтобы заткнуть несчастного пистуна, и нечаянно сшибла его на пол. Он жалобно звякнул и затих.

Юлия Николаевна перевернулась на другой бок, укрылась с головой одеялом и решила, что можно еще минут десять просто поваляться в постели, не спать, а так, подремать с открытыми глазами, но провалилась в сон и вскочила только в восемь, когда во дворе под окнами загредел мусоровоз.

В соседней комнате спала ее четырнадцатилетняя дочь Шура. Юлия Николаевна кинулась ее будить, и обе заметались по квартире в дикой спешке, рвякая друг на друга. У Шуры первым уроком была алгебра, самый нелюбимый предмет, и